

Ш. Мкртчян

Самое главное — мнение моего народа

Хайк · 1997, 25 окт · Перевод с армянского

Искусство

САМОЕ ГЛАВНОЕ — ОЦЕНКА МОЕГО НАРОДА

«Когда вы сделаете двоих одним, и когда вы сделаете внутреннюю сторону как внешнюю, и верхнюю сторону — как нижнюю... сторону, когда вы сделаете глаза вместо глаза, и руку — вместо руки, и ногу — вместо ноги, образ — вместо образа, тогда вы войдёте в царство».

Евангелие от Фомы

Новое всегда зовёт, притягивает и держит тебя на расстоянии. С годами этот зазор сокращается. Художник узнаёт такое положение, и народ тоже в конце концов узнаёт. Эту — быть может, и трагедию — как болезнь, по-разному переносят опередившие время личности: художники, учёные, политики. Пусть не иссякнет у них запас мужества.

Художник Рудольф Хачатрян отважился. Он сдвинул вперёд границу наших представлений об изобразительном искусстве, и в его голосе, поведении, взгляде не заметишь ни малейшей дрожащей нотки. Человек перед лицом вселенной. Армянин — ушедший из своего дома и тоскующий по дому (с болью инфаркта).

Мир не страшен. В Англии, в учебных пособиях вузов о том, как надо рисовать, помещены и три его работы. На Мальте, на выставке графики за последние 200 лет, рядом с Гойей представлен и наш брат. Будем гордиться, подойдём поближе и посмотрим... Как бы не постигла его участь непонятого, что выпала его учителю Ерванду Кочару. Сам он уверенно говорит: если ты хочешь сделать новое, ты должен быть носителем мировой культуры. Восполнять недостающее нужно всегда. Иначе не узнаешь, что ты несёшь своим миром. Сам он вводит в изобразительное искусство время и около 16 значительных открытий. Мы побеседовали в его номере гостиницы «Армения», выпили внизу кофе и направились в Картинную галерею. Увидев Рудольфа Хачатряна, дородный виолончелист приветствовал его, что-то сыграв; студентки бросились за автографом, а в выставочном зале его ждали многие... Такая радость бодрит...

— Простите, вы ереванец и не гость в этом городе. Как получилось, что вы остановились в «Армении»? Вы тоже, как многие, продали свой дом и уехали из Армении?

— Я 27 лет назад уехал в Москву — к своей второй жене. Всё оставил первой жене и уехал.

— Дети у вас есть?

— А как же, я дедушка. У меня три дочери и сын. И у них тоже три дочери и сын. Вот младшая дочь выйдет замуж, и внуков у меня прибавится.

— Когда вы в последний раз выставлялись в Армении?

— В 1988-м, в те тяжёлые, изматывающие дни.

— Можно ли считать это человеческим противостоянием несправедливому положению?

— Я делаю своё дело. В любом серьёзном искусстве есть всё — и национальное, и человеческое, но ничего надуманного я не делаю. Люди выступали на площади Свободы, потом приходили на выставку. Отдыхали, наверное. Что-то переживали, и это их успокаивало. В книге отзывов написано много очень хороших слов...

— А как принимают эту новую выставку?

— Такого приёма я не представлял, тем более что большинство знает меня по моим классическим работам. Опасений у меня не было, я просто хотел быть понятым. День открытия меня поразил: теплота взглядов, душевная близость. Я никогда в жизни так не волновался.

— Разве не удивительно, что «абстрактная» живопись встречает такое отношение? Отрадный повод для размышлений.

— Моё искусство не абстрактное. В нём есть абстрактные элементы. Вообще любое серьёзное искусство, большое искусство, — я говорю это смело, — несёт в себе всё. Потому что оно связано с миром, с человеком, со временем. Эта выставка — такое же маленькое явление.

— Как бы вы определили искусство?

— Миф. Большое искусство всегда было мифом, мифологией. Возьмём Египет. То, что было создано там, больше нигде не будет создано. Предполагают, что они были пришельцами, из космоса, потому что у них есть исключительные вещи, которые необъяснимы... или искусство племени майя, которое я очень люблю.

— Я думал, вы назовёте знаменитых мастеров.

— Нет, это было потом. Искусство вошло в дом, в быт. Обрело имена. Имя художника... это мелочь. Настоящий художник ищет не себя, а очень важные задачи.

— Известно выражение Пикассо: «Я не ищу — я нахожу».

— Мой многомерный объект, вне меня, — это отдельное существование. В нём есть национальные задачи, которые одновременно являются общечеловеческими. Это абсолютное явление, во всём, потому что создана формула человека, а это уже общечеловеческое. Он развивается до многомерного объекта биологическим путём. Он обогнал меня и диктует мне. Я из тех счастливых, кто, закончив какую-нибудь работу, не беспокоится о том, что же делать дальше.

Этот вопрос нельзя опровергнуть — я это доказал, и об этом говорили серьёзные искусствovedы...

— Для многих тайна ещё только откроется...

— Скажем так, простой человек, может быть, и не понимает, но чувствует, верит. Вот это меня больше всего и согревает. В конце концов, самое главное — оценка моего народа. Я побеждал и в Англии, и в России, и в Америке. Мне покровительствует француз, один из крупнейших коллекционеров мира; он должен основать музей, как Третьяков, но покупает современное искусство (art) — у меня. Остаётся работать и работать, лишь бы было

здоровье...

— Может быть, вы немного объясните измерения «многомерного объекта»...

— В живопись вошло четвёртое — время. Кроме того, там есть тонкие, многослойные мифологические идеи. Например, у моего объекта нет правого и левого, верха и низа; он может вращаться по всем осям, бесконечно изменяться. Живопись моего учителя Ерванда Кочара — в открытом пространстве, на одной плоскости, и вращается вокруг одной оси. Если её перевернуть, она будет видна вверх ногами. А у вселенной нет перечисленных мною координат. Я создал формулу, которая включает идущие из глубокой древности идеи близнецов, зеркальности, креста, тени. Смотрите, тень проходит, но что она такое? Она тоже связывается, участвует.

— А в чём новизна с точки зрения синтеза?

— Я создал архитектурную конструкцию, в которую входят скульптура, живопись и графика. Они в союзе, как церковь со своими фресками, рельефами... Они связаны друг с другом идеей движения, пространства, четвёртого измерения. Над последним многие трудились и мучились.

— Выходит, мы имеем дело не с реформатором, а с новатором?

— Учелло и ван Эйк ввели в живопись идею глубины. Для этой цели появилась масляная краска. И победила перспектива.

А время — самое могущественное? Мы мыслим не в плоскости, а в пространстве. Эйнштейн принёс свою теорию относительности, значит, и у искусства она должна быть. То есть оно должно вращаться, двигаться, чтобы время не остановилось. Вращается не какая-нибудь вещь, скажем, ваза, — изменяется сам этот объект. Вот в чём тайна: я создал образ нового человека...

— Какая категория для вас будущее?

— То, что делаю я, — это и есть будущее... Я самый передовой художник в мире. Говорю это смело.

— Если я правильно понял, вы говорите о безначальном, бесконечном, вневременном...

— Я создал идею сферы, все точки которой вращаются и все действия которых различны...

Иногда я удивляюсь, как я к этому пришёл... Но верой в моего Бога, преданностью, честно... Без Бога ничего не бывает.

— Бог, по-вашему, воплощён или необъятен...

— Необъятен, но в то же время повсюду. Ведь это Христос сказал: подними камень, и там найдёшь меня.

Говорят: безбожный человек. То есть Он либо в тебе, либо Его нет...

— Полости ваших картин напоминают мне ячейки пчелиных сот...

— Это явление формулы, и реалистическим оно быть не может. Я развил мышление Мура, Гаргальо, Кочара и других. Довёл его до многомерного объекта. Такие полости ведь есть и в монастыре Гегард:ходишь, углубляешься — и перед тобой церковь!..

— Ваши слова звучат как манифест.

— Так и можете написать. Предисловие к моему каталогу — мой манифест, как у А. Бретона «Манифест сюрреализма», у Пикассо — кубизма, у Моне — импрессионизма... Мой — это мышление XXI века: я звено за звеном пришёл к этому объекту и показываю его в красивой форме. Это бесконечная жизнь: вчера, сегодня, завтра взаимосвязаны. Так говорит Дмитрий Сарабьянов — единственный из бывшего СССР, кого признаёт мир. Его приглашают экспертом на мировые аукционы. И он не пишет о современниках — я исключение.

— Те, кто знает ваш ранний период, могут подумать, что вы совершили резкий поворот...

— Как бы хорошо мы ни рисовали природу, мы подражаем созданному Богом. Ты можешь быть гениальным, но не творцом. Того, что сделал я, в природе нет: это творение. Оно приходит из мира мыслимого, постигнутого. В изобразительном искусстве это красиво, пластично, тогда как в реальном виде было бы чудовищно.

В моём альбоме 1958–72-й — пустота. 15 лет. Что же, 15 лет Рудольф Хачатрян был мёртв? Я возвращаюсь к себе, я не выдумываю, и, возвращаясь к себе, я изменился.

— Как многомерный объект... Простите, вы испытываете жажду бессмертия, как все смертные?

— Нас с детства пугают тем, что есть смерть. А ведь ты подвергаешься преображению... В начале было Слово, и Оно было у Бога, и это Слово бесконечно...

— Вы, кажется, идёте к примирению зла и добра...

— Нет. Добро всегда побеждает. Я, например, очень благодарен своим недоброжелателям. Они дали мне очень большую силу, пытаясь навредить. Они раздражают мой мозг, мою мысль, чтобы я ещё выше поднимал крылья. Это движение жизни.

— Они в Армении?

— Главным образом.

— В чём причина?

— Нас много били — мы защищались. Мы приобрели комплексы. Но в конце концов смогли не потерять своё государство. Оно есть.

— Армения — суверенное, независимое государство.

— Но изоляция будет губительной. Недавно с Россией был заключён хороший договор. Посмотрим. Мы должны дружить с Россией.

— Что особенного в нашем народе? Вы много лет прожили за его пределами и могли наблюдать других.

— Наше — это масштаб, мера, соразмерность... как в наших церквах. Мы нация науки и искусства и должны этим жить. Если бы Кандинский и Шагал не уехали во время революции, сейчас русские продавали бы их картины и богатели бы.

— В политике мы только-только набираемся опыта. До этого за нас думали другие.

— Это уже получило свою оценку: один день так, другой день иначе. Нужно быть настолько умным, чтобы выбрать правильный путь. Говорят, Левон Тер-Петросян — хороший политик. Может быть.

— Вы вернётесь в Армению?

— Я считаю себя человеком мира. Моя родина не может быть вне меня. Зачем мне отрываться от мира? Но на родине я хочу иметь свой очаг, где соберутся мои любимые картины, которые я не стану продавать. Этому моему начинанию помешали в 1988 году мои недоброжелатели. Хотя я опять-таки благодарен тому человеку, который помешал: благодаря этому я уехал в Лондон и создал то, чего, может быть, не смог бы создать на месте. Такова моя судьба. Я хозяин своего пути. Часть года — в Лондоне, часть — в Москве, часть — на родине. Эта смена даёт мне большую силу.

— Дай Бог, чтобы вы согрелись у родного очага.

Спасибо за беседу.

ШАНТ МКРТЧЯН

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

The Most Important Thing Is the Opinion of My People

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0215?lang=ru>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Самое главное — мнение моего народа

Файл скачан со страницы:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0215?lang=ru>

Произведения Рудольфа Хачатряна © наследники Рудольфа Хачатряна. Остальные тексты, фотографии и оформление © их авторы. При использовании материала укажите источник и ссылку на эту страницу.